

Александр Филиппов

Всё по-честному

Повесть

**Литагент «Ридеро»
Александр Филиппов
Всё по-честному**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9367453

ISBN 978-5-4474-0659-2

Аннотация

Вор-карманник, рецидивист, имевший не одну «ходку» на зону, в силу невероятного стечения обстоятельств оказывается во главе регионального филиала крупной нефтяной компании. Чем ближе он знакомится с нравами местных элит, тем с большей ностальгией вспоминает тюрьму...

Содержание

1	5
2	12
3	19
4	24
5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Всё по-честному
Повесть
Александр
Геннадьевич Филиппов

© Александр Геннадьевич Филиппов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

1

Клифт бежал по гулкому, заполненному народом залу ожидания Казанского вокзала, перепрыгивая через чемоданы и сумки, увёртываясь ловко от дребезжащих тележек с багажом, успевая следить краем глаза за тем, что бы носильщики – верные помощники ментов, не подставили ему предательскую подножку.

В тюрьму ему, Клифту, никак нельзя. Только что откинулся от хозяина, вчера, можно сказать, не нагулялся ещё на воле – и вдруг такой, как у малолетки, ремесло щипача осваивающего, облом.

Влип, как фрайер! Ну, кто, скажите, пожалуйста, из нормальных москвичей и приезжих в столицу носит сейчас набитые деньгами бумажники в задних карманах брюк? Нет нынче таких лохов, не осталось в природе, в принципе. А ему, карманнику с четверть вековым трудовым стажем, вдруг такой и попался.

Стоит эдакий респектабельный мужчина в белой рубашке, чуть за тридцать в хвосте очереди к железнодорожной кассе, и беззаботно, коротая время, сложенную вчетверо газетку почитывает. А из заднего кармана его серых, тщательно отглаженных брюк, такой лопатник торчит! Теснённой кожи, пухлый, как сдобный пирожок свежей выпечки, набитый, надо полагать, аккуратно сложенными в пачечки по отделени-

ям купюрами разных достоинств. И не исключено, что благородно-зелёными баксами или разноцветными евриками...

Клифт аж едва не загулил, словно увидевший долгожданную маму младенец, ещё чуть-чуть, и пузыри слюней от вождения пускать бы начал. Расскажи пацанам – помрут со смеху от такой дешёвой подставы! А у него от жадности рамсы попутались. И то! Москва – город богатый. Может они здесь, в Москве, совсем зажрались, в потном кулачке каждую сотенную, как в провинции, не сжимают, для них деньги – тьфу, и даже такой вот бумажник можно вполне без присмотра оставить. А он, Клифт, совсем по нулям. Только что из зоны. Понятно, кенты на воле встретили, как полагаются, подогрели, на хату определили. Но любой долг платежом красен. А в воровском мире – тем более. А то попадёшь в непонятные! И кончишь жизнь в петушатнике...

Он, Клифт, жулик авторитетный. Хоть и не в законе, но живёт по понятиям, и в воровском мире человек известный. Ему в падло нахлебником у кого бы то ни было, состоять. Тем более что руки-то вот они. Золотые, прямо скажем, ручки, даже в годы отсидок чётками тренированные.

Спецы из чужих карманов денежки тырить – они тоже по мастям, как игральные карты, подразделяются. Есть ширмачи, которые через руку, в чужом кармане или сумочке шарящую, плащ или курточку перекидывают, и тем от посторонних глаз прикрываются. Есть трясуны – те одним точным, неощутимым почти для владельца ударом, бумажник

из любого, даже самого укромного кармана выбить могут. Писари режут сумочки или одежду бритвой или монеткой заточенной. Рыболовы – крючками вытягивают. Хирурги – пинцетами. Щипачи чаще группами работают. Один отвлекает жертву, другой карманы чистит. Есть ещё колёсники – в общественном транспорте трудятся, и, соответственно, магазинчики, рыночники. В метро народ кроты шерстят. Дубилы – черти полуопущенные, на жратве специализируются. Стащат батон хлеба из авоськи, палку колбасы или банку консервов – тем и счастливы. Самые козырные из карманников – марвихеры, которые только солидными клиентами с толстыми бумажниками интересуются. И, хотя Клифт владел виртуозно всеми способами краж, к марвихерам себя относил. Вор-одиночка. Пальчики – как у музыканта, причём слепого. Чуткие. Не только выпуклые буквы Брайля могут легко различить, но и бумажник сквозь толстое шерстяное пальто или кожу дамской сумочки нащупать. А дальше – дело техники, десятилетиями отточенной. Никаких бритв, пинцетов – с ними спалишься, потом не открестишься. Только пальцы – юркие, как рыбки в воде, нежные, как у любовницы. Чик – пуговичку лёгким касанием расстегнули, вжик – замочек-молнию. И – нырк в щелочку, в нутро тёплое, цап-царап бумажничек, кошелёчек – и как не бывало его. Высший шик – ещё и пуговку, замочек-молнию опять застегнуть. Что б ни сразу хватились. На всё про всё секунда уходит. Быстро, точно, красиво...

А на этот раз лажанулся. Приметил тот аппетитный бумажничек, состроил морду интеллигентно-заполошную, и попёр сквозь очередь: «Простите... извините ради бога... Мне только время отправления уточнить...». Ломанулся, как дурак в буфет с одной копейкой. И, протискиваясь, вежливо так, бережно, очередников в кассу левой ручкой отодвигал. А правой, походя, прихватил бумажничек за верхний краешек у лоха из заднего кармана брюк. И... стоп! Лох беззаботный с газеткой вдруг – хватъ Клифта за руку. Ту самую, что с бумажником. По ментовски так, намертво крепко – хватъ! И – стоять! УГРО! Вы задержаны!

Тут же ещё архаровцы подскочили – с видеокамерой портативной, на Клифта объективом, как пистолетом, нацеленной. Видать, скрытно все моменты кражи фиксировали. Понятное дело – профессионалы, опера из отдела по борьбе с карманными кражами. Умеют, суки, щипачей с поличным брать. А он-то, Клифт! Ну не фрайер?! На живца, как голодного щучонка, словили!

А тот, что с лопатником в кармане рисовался, уже распоряжается:

– Та-ак, па-апрошу вас, граждане... В вашем присутствии задержан вор-карманник. Мы должны оформить вас, как свидетелей...

Ага, щас! Опять за колючую проволоку, срок мотать? Не дождётесь. И-эх, была, не была! Чать, не подстрелят, в переполненном-то народом зале!

Клифт извернулся, саданул держащего его за руку оперативника коленом в пах, боднул головой в лицо, и когда тот, ошалеv на мгновение от боли, ослабил хватку чуток, крутанулся юлой, вырвался, и помчался сквозь людскую толпу.

– Держи! Держи вора! – орали опера у него за спиной, но Клифт, парень не промах, скача по проходу между диванов с дремлющими на них пассажирами, тоже заорал истошно, тыча указательным пальцем куда-то перед собой:

– Держи вора! Вон он, вон он гад, побежал!

И все встречные крутили испуганно головами, смотрели послушно, ориентируясь на указующий перст Клифта, но, поди, разберись в такой суматохе, кто вор, если даже опера мало отличимы от жуликов по гражданке!

Тут вдруг подвернулся на пути цыганёнок подросткового возраста, заметался, то ли испугавшись переполоха, то ли по причине нечистой совести, – то же, должно быть, промышлял тем, что плохо лежит, и Клифт заревел с восторгом, науськивая на него толпу:

– Вот он! Хватай! Вяжи! Где полиция?! – а сам шмыгнул шустро в противоположную сторону.

И вот он мчался теперь, запалено дыша, по перрону, мимо зелёных, покрытых белесой пылью нездешних мест, пассажирских железнодорожных составов, а позади, он чувал это, как зверь, не оглядываясь даже, молотили за ним, резво перебирая ногами, опера, не поддавшиеся на его уловку, словно хорошо натасканные гончие псы, взявшие горячий и вер-

ный след. Молодые опера, ч-чёрт, лёгкие у них не прокуренные, сердца чифиром лагерным не подсаженные, быстрые опера, стремительные, как пули, и Клифт, задыхаясь, отчётливо понимал, что на этот раз ему от них не уйти.

Озираясь затравленно по сторонам, он заметил, что в состав, тот, что был справа от него, началась посадка. У открытых дверей вагонов толпились пассажиры и провожающие, а строгие проводницы придирчиво рассматривали посадочные билеты.

Миновав одну такую группу людей, Клифт подбежал к следующему вагону. Здесь у подножки замешкалась молодая мамаша с чемоданом и ребёнком в руках.

– Позвольте, я вам помогу, – мигом нашёлся Клифт.

Женщина, прижав к себе ребёнка, доверчиво позволила взять из рук чемодан.

Проводница, ни слова не говоря, отступила в сторону, и Клифт оказался в вагоне. По причине того, что посадка только что началась, здесь было пустынно и тихо.

Мамаша указала на своё купе, Клифт распахнул дверь, внёс чемодан.

– Располагайтесь, – предложил он радушно, и, кивнув женщине в ответ на благодарность, бросил туманно, – пойду своих поищу...

Пользуясь тем, что вошедшие следом пассажиры сгрудились в начале вагона, сверяясь с билетами, и отыскивая свои места, Клифт решительно взялся за ручку ближайшего ку-

пе, отодвинул беззвучно скользнувшую на хорошо смазанных роликах, дверь, и шагнул внутрь.

2

Только сейчас Клифт сообразил, что нелёгкая занесла его в мягкий вагон СВ, и купе было двухместным. Он соображал судорожно. Сейчас, сию минуту сюда могут войти законные, обилеченные пассажиры. Дать дёру? Но на перроне наверняка маячат, озабоченно вертя головами, давешние оперативники. Спрятаться здесь? На первый взгляд, негде. Нырнуть под диван? Но его наверняка поднимут, что бы уложить чемоданы и сумки. И – нате вам с кисточкой. Поднимется крик, прибежит проводница, а потом и полиция...

Клифт задрал голову вверх. А вот, кажется, и то, что нужно. Над входной дверью в купе располагалась ниша. В ней – два рулоном скатанных полосатых матраца, коричневые шерстяные одеяла.

Поставив ногу на приступочку, он подтянулся. Ба-а! Да здесь и для него местечко найдётся!

Клифт юркнул в нишу, старательно закамуфлировав себя постельными принадлежностями. Если специально не шарить, снизу его наверняка не видно. Затаиться, выждать. Вряд ли пассажиры сразу стелиться кинуться. Пока освоятся, если повезёт, покурить, или в вагон-ресторан выйдут. Ему и надо-то всего проехать до ближайшей станции, подальше от оперов. А там – ищи ветра в поле... В крайнем случае, на глазах у изумлённых пассажиров на первой же

остановке поезда спустится с верхотуры, припугнёт, если вякнут, уж это-то он умеет, понты колотить, на вольных с нахрапом зоновским наезжать, и – вон из купе, из вагона. Никто ничего не поймёт, да и, скорее всего не предпримет – вещички-то на месте, так чего лишний шум поднимать? Ущерб-то нет!

Вовремя за матрац Клифт затарился. Щёлкнул дверной замок, и в купе кто-то вошёл.

– Проходите, проходите, будьте как дома, – ворковал женский голос. – Российские железные дороги приветствуют вас, и желают счастливого путешествия!

– Ладно, ладно, – пробурчал мужской голос в ответ. – Вы, главное, до пункта назначения довезите. Вечно у вас – то самолёты падают, то поезда с рельсов сходят... Бардак!

– Да что вы... Доставим в лучшем виде – оправдывалась проводница.

– И глядите у меня – в купе никого не подсаживать!

– Конечно, конечно, – лебезила проводница. – У вас же оба места оплачены...

– Знаю я вас! – рокотал мужской бас. – Калымить будете – так не за мой счёт. На-ка тебе за труды, и не беспокой меня понапрасну.

– Ой, спасибочки... Я завсегда, в любое время... Только на кнопку надавите вот эту – мигом примчусь.

– Не надо. Устал. Спать хочу.

– Постельку вам застелить? Одеялко, матрасик...

Клифт похолодел в своём закутке.

– Не надо. Сам разберусь. Свободны.

– У меня специальная табличка есть. С надписью «Не беспокоить». Хотите, я вам её на ручку двери снаружи повешу?

– Валяй!

Дверной замок щёлкнул, и пассажир остался в купе один.

Клифт, стараясь дышать бесшумно, вытянул по-гусиному шею, и прильнул к щелочке между матрасом и одеялом, разглядывая попутчика поневоле.

Примерно одного с карманником возраста, ближе к сорока. Чернявый, с проседью. Семидневная щетина, короткая стрижка по нынешней моде – будто только с зоны откинулся, хотя сейчас и на зонах не стригут налысо. Чем-то неуловимо похож на Клифта. Вот только костюмов таких цвета «металлик» по пять тысяч долларов карманник отродясь не носил, как и рубашек с монограммами и туфель, из крокодиловой кожи, небось.

Клифт сразу же почувствовал к незнакомцу что-то вроде классовой неприязни. Видал он таких. И лопатников из их импортных лепешков повинытаскивал несчитано. Да вот не разбогател. Хотя денежки, бывало, после удачного скака у него водились. Да всё как-то... между пальцев и утекали. А он и не жалеет. Видать, не судьба. Видать, у этих, богатеньких, ген какой-то особый в организме присутствует, благодаря которому деньги к ним липнут. А Клифт, как ни крути, пролетарий криминалитета. Даже паханом, который других

на дела посылает, и при этом не замаранным остаётся, никогда не был. Всё сам, своим горбом добывал. И по карманам собственноручно шарил, и срока немалые за то постоянно мотал. Всё, как говорится, по-честному. Он ведь жулик не абы какой, отмороженный на всю голову, а с понятиями. Работягу, например, или старушку-пенсионерку ни в жизнь не тронет. Зато юзера вот такого, в крокодиловых туфлях, или дамочку, с губками ботексными на весь свет презрительно оттопыренными, сам Бог велел заставить делиться с ближним. То есть с ним, Клифтом. Только вот подобраться к этой публике всё труднее становится. Они для себя словно государство в государстве выстроили. В общественном транспорте, в метро не ездят практически. Живут тоже на особицу, за шлагбаумами, в разных там элитных посёлках да кондоминиумах. И аэропорты, вокзалы, театры, концертные залы столичные остались теми немногими местами, где эти хозяева жизни бывают пока на равных с остальным людом. И там для Клифта – раздолье! И раз уж он так удачно попал, то этого фрайерка в дорогом костюме он обязательно бомбанёт. Не знает пока, как, но бомбанёт за милую душу! Может, дождётся, пока тот задремлет, а может, и шандарахнет чем-нибудь по башке, хоть такой гоп-стоп и не по его специальности. Но бабки у этого, всё купе для себя откупившего, должны быть, и не малые... Торопиться-то некуда. Выждет момент, и – вперёд!

А тем временем вальяжный попутчик расстегнул объёми-

стый портфель, достал оттуда литровую, не иначе, бутылку – коньяка ли, виски, хрен их разберёт, не по-русски на этикетке написано, налил в стакан, прихлёбывать начал. Без закуски. И то! Это от водяры всего наизнанку выворачивает, если не заесть, или хотя бы не занюхать, хоть рукавом, стопарик, а хороший алкоголь можно и не закусывать. Ишь, сидит, развалясь, наслаждается. А вот дать бы тебе этой пузатой бутылкой литого стекла по башке, сразу бы понял, что не поймал ещё Бога за бороду!

Впрочем, то, что потенциальный клиент принялся накачиваться спиртным, Клифта вполне устраивало. С пьяным-то справится в любом случае проще. Может, наклюкается сейчас, да заснёт. А после того можно и бумажничек его приватизировать, и портфель толстенький прихватить. Наверняка в нём ещё чего-нибудь ценного, кроме выпивки, найдётся. Надо только не торопиться, набраться терпения, выждать момент...

Клифт прикрыл глаза. По опыту своего ремесла знал, что нельзя долго пялиться на человека, даже в спину смотреть нельзя, обязательно почувствует взгляд, насторожится, начнёт озираться тревожно, и прощай тогда, удачная кража. Однако, этот безмятежен пока. Опять забулькало из бутылки. Жизнь удалась! А что, сука в ботинках из крокодила, ты в жизни той видел? Тебя, что ли, после восьмого класса мамаша непутёвая сперва в детский дом, а потом, одумавшись вроде, домой вернула, да через год в ПТУ строительное,

или, как тогда говорили, «каблуху», на казённые харчи, сдала? У тебя старшие пацаны всё отбирали – шмотки, степену жалкую? А на стройке, на практике, тебя, что ли, мужики к кладовщице за ведром менструации посылали, а потом хохотали под её визг, указывая пальцем на Клифта? Впрочем, он и не Клифтом был тогда, а Валеркой Пузанёвым, безотцовщиной-недоучкой. Клифтом он после первой отсидки, по малолетке ещё стал, когда срок получил за то, что у продавщицы газированной воды на улице тарелку с мелочью стырил. Жрать хотелось, не милостыню же просить? Год чалил, вышел, а мать на какую-то ударную стойку подалась, реку в Сибири плотиной перекрывала, к себе звала. А чего он там не видал? В зоне прочно усвоил – от работы конидохнут. Да и работать – где? Опять на стройку, в подсобники? Он ведь даже ПТУ не окончил. Хорошо, Писарь, старый карманник, пригрел. К делу приставил. Сперва на подхвате – кошельки из карманов, сумочек, бритвой-писанкой взрезанных, в толпе передавал, что б с поличным самому не спалиться. Потом ремеслу обучил. Клифт хорошим карманником стал, высшей квалификации. Но и менты не дремали. В итоге пять сроков по пять лет, или пять Петров, по-зонамски, можно сказать, в квадрате, из своих сорока от роду, отсидел. Искупил хоть в какой-то степени, стал быть, перед Богом и обществом свои воровские грехи.

Этот, на диване, в третий раз булькнул пузатой бутылкой. Жахнул пол стакана, зачавкал припасённым лимоном

так, что у Клифта от оскомины зубы свело, и слюна потекла, как у голодной собаки. Если и дальше этот фрайерок будет в том же темпе спиртным наливать, то у Клифта с выходом из вагонного заточения проблем не будет.

Поезд тронулся мягко, качнулся вагон, звякнули сцепки.

И в этот момент в купе постучали.

– Я же просил не беспокоить! – подал голос попутчик, но дверь уже отъехала в сторону.

– Проверка документов! – строго произнёс вошедший.

Клифт глянул из своего закутка вниз, и задохнулся обморочно. В купе стоял полицейский майор.

3

– Вы один в купе? – деловито осведомился блюститель порядка.

Карманник заостенел, понимая обречённо, что это – конец. Деваться ему некуда, и стоит менту обернуться, осмотреться хотя бы бегло, он непременно обнаружит Клифта. Тёпленького, как на подносе...

– Нет, я тут с бабой кувыркаюсь, – с хмельной дурашливостью заявил пассажир. – У проводницы не мог спросить, кто я? Нет, лезет в купе, беспокоит по пустякам. Тебе что, погоны на плечи дают? Могу, ха-ха, помочь, облегчить, так сказать, ношу. На одну ступень звания! Будешь, блин, капитаном железнодорожного плавания!

– Прошу прощения, служба, – ответил сухо майор. – Осматриваем весь состав. Проверяем наличие незаконных мигрантов, криминальных элементов. Обычная процедура. В соседнем вагоне депутат Государственной Думы едет, и ничего. Отнёсся с пониманием, предъявил документы...

– Ну, на тебе документы. Вот паспорт, вот командировочное удостоверение. Билет, сам знаешь, у проводницы.

Полицейский пошелестел бумагами.

– Жабин Юрий Степанович?

– А кто ж ещё, твою мать! В паспорте ясно написано.

– Куда следуете?

– В Южноуральск. Назначен на должность генерального директора нефтяной компании «Южуральскнефть». Слышал про такую?

– Слышал. Извините, просто я должен лично удостовериться, что вы именно Жабин, Юрий... э-э... Степанович, – примирительно ответил майор. – В нашем деле ошибиться нельзя...

– Ну, удостоверился? – раздражённо прервал его нефтяник. – Теперь у тебя ко мне всё?

– Не совсем...

Полицейский сделал шаг назад, потом, сунув руку под лацкан кителя, вытянул из-за пазухи пистолет – длинный, с глушителем.

И – пф-ф, пф-ф, – дважды выстрелил в грудь удивлённого пассажира.

Клифт едва не обделался со страха. Если его заметят сейчас – арест ему не грозит. Отправят отбывать вечный срок на том свете...

Между тем киллер в майорском мундире склонился над убитым, хладнокровно пощупал у него пульс на запястье, оттянул верхнее веко, и, убедившись, что перед ним труп, отвинтил глушитель от ствола пистолета, положил в боковой карман кителя, а оружие опять сунул за пазуху. И вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь купе.

Клифт лежал на багажной полке, ни жив, ни мёртв. Только что у него на глазах был убит человек. Застрелен хладно-

кровно, профессионально. И он, Клифт, теперь один на один с трупаком. Если кто-то войдёт сюда, обнаружит убитого, а рядом с ним уголовного, неоднократно судимого, то вряд ли компетентные органы поверят в рассказ о некоем третьем лице в полицейской форме. Догадайтесь с первого раза, на кого реально падут подозрения?

Впрочем, Клифт не был бы фартовым вором, кое-какой авторитет среди братвы имеющий, если бы рассопливился, а не сосредоточился сейчас, трезво оценивая ситуацию.

Он шустренько спустился с полки, мягко ступая, прильнул ухом к двери. Вроде всё тихо. Осторожно нажав на ручку, чуть приоткрыл. Посмотрел, на месте ли табличка «Не беспокоить». Киллера она, конечно, не остановила, а вот проводница, случайный пассажир из любителей преферанса, в поисках партнёра в купе, хочется верить, носа не сунут. Запер дверь изнутри, присел, ладонью смахнув со лба пот. Внимательно оглядел тело, оплывшее на диване напротив.

Две пули вошли прямо в сердце. Оно остановилось мгновенно, от того и крови было не много. На распахнутом импортном пиджаке – ни следа. Только на белоснежной, не иначе, как на заказ пошитой рубашке расплылось небольшое, с чайное блюдце, пятно.

Взяв труп за плечи, потянул на себя, взглянул на спину. Ранение не сквозное.

Клифт ещё не понимал, зачем ему этот осмотр, он же не эксперт-криминалист, не патологоанатом, но то, что сра-

жённий пулями попутчик выглядел, в принципе, если прикрыть кровавое пятно, как живой, успокоило от чего-то.

А поезд уже мчал, набрав крейсерскую скорость, покачиваясь умиротворённо, погромыхая колёсами на стыках рельс, и за окном пробежал, отставая, унылый пейзаж ближнего Подмосковья с чередой обшарпанных гаражей, заброшенных заводиков с прокопченными трубами, бесконечными бетонными заборами, разукрашенными граффити, безымянными деревеньками с избами-развалюшками, стожками сена у кособоких сараев, перемежающиеся роскошными, нелепо выглядящими среди этой убогости виллами в несколько этажей.

Клифт перевёл взгляд на мёртвого попутчика, поинтересовался шёпотом:

– Что, влип по крупному, парень? Недолго музыка играла, недолго фрайер танцевал? За всё, братан, платить приходится. И за жизнь кучерявую в том числе. Чего ж ты наворотил такого, что тебя к вышке приговорили? Я, например, вор-рецидивист, а больше пяти лет срака наказания ни разу не давали... Молчишь? Тебе, конечно, теперь всё по-фигу, а мне-то что делать? Ну ладно, не впервой. Как-нибудь и без твоей помощи выкручусь...

Сказал так, и язык прикусил озарено. А почему, собственно, не прибегнуть к помощи мёртвого фрайерка?

Клифт взял со стола бутылку, разобрал из любопытства на этикетке латинскую надпись – «бренди», набулькал себе

половину фужера – не удовольствия ради, а что бы мысли в порядок привести, выпил. Крепкая, но приятная на вкус штука, и впрямь не закусывать можно. Потом, опустив окно, достал примятую пачку «Явы», закурил, сосредоточенно затягиваясь сигаретой, и напряжённо обдумывая план предстоящих действий.

4

Смеркалось, когда скорый поезд Москва – Южноуральск остановился на запруженном народом перроне Самары. Ожидавшие посадки, встречающие и провожающие, как всегда случается по прибытию состава, заметались на платформе в поисках своих вагонов. Во всеобщей суете никто не обратил внимания на парочку подвыпивших крепко пассажиров, сошедших не без труда. Один из них был настолько пьян, что буквально на ногах не держался, и приятель едва ли не волоком спустил его с подножки вагона.

С трудом, сжимая для устойчивости, друг друга в крепких объятиях, они добрались до скамейки, на которой уже примостился бомж, заросший грязной клокастой бородой, с полторашкой пива в руках.

Тот из подгулявших пассажиров, что был потрезвее, одетый в дорогой костюм цвета «металлик», с облегчением усадил приятеля, привалив его к спинке скамейки.

Заботливо запахнув и застегнув на все пуговицы пиджак раскисшего другана – простенький, китайского пошива, его более трезвый попутчик строго глянул на бомжа:

– Присмотри за моим товарищем, а я сейчас такси вызову. И растворился во мраке.

Через пару минут он, одёрнув чуть великоватый ему костюм модного цвета «металлик», по-своейски кивнув провод-

нице, вошёл в вагон, и скрылся в своём купе, заботливо поправив на двери табличку «Не беспокоить».

Там, старательно заперев дверь, Клифт сбросил пиджак и, не снимая пришедшихся впору ботинок из крокодиловой кожи, повалился на мягкий диван. Заложив руки за голову, он размышлял над тем, что всё пока складывалось на редкость удачно.

Пару часов назад, оставшись наедине с жертвой киллера, Клифт осторожно, что бы ни запачкаться о кровавое пятно на груди убитого, извлёк из внутреннего кармана не пострадавшего от пуль пиджака туго набитый бумажник. В нём – несколько пятидесятирублевых купюр, ещё бумажки – помельче достоинством, несколько банковских карточек. Их, к слову, Клифт терпеть не мог. Ну что за моду взяли – эти карточки вместо живых денег таскать? Охотишься, бывало, за таким вот лопатником, хапнешь удачно – а там пластиковое дерьмо это вместо денег. Куда с ним? С банкомата не снимешь. Есть, конечно, спецы, но Клифт не по этой части. Милое дело – наличка! ... А вот и паспорт. Вглядевшись в фотографию, Клифт неожиданно обнаружил сходство между собой и попутчиком. Не теперешним, естественно, осунувшимся и мёртвенно-бледным покойником, а тем, как выглядел гражданин Жабин лет пять назад, когда на паспорт фотографировался. С нагловатыми, чуть на выкате, глазами, коротко стриженный, с чубчиком. И год рождения подходящий, 1975-й, ровесник, можно сказать. И если сличить фото-

графию на этой ксиве с физиономией Клифта, чего обычно никто, кроме полицейских не делает, то выйдет, будто одно лицо. Не красивое, но и не безобразное, не броское, не слишком запоминающееся. Такая внешность характерна для тех, кто не любит привлекать к своей персоне внимания – секретных агентов, или, например, воров-карманников...

Фамилия, правда, подкачала, не очень-то благозвучная – Жабин. Но и Пузанёв нисколько не лучше. У Клифта даже в детстве кликуха была – Пузо. Но как-то, ни прижилась. Какое пузо может быть сперва у шустрячка-шкета, а потом у поджарого, вечно голодного зека? Когда овладел ремеслом карманника – уважаемой в воровском мире профессией, то и кличку себе выбрал под стать, солидную. «Клифт» на блатном жаргоне означает «куртка», «пиджак». В которых «лопатник», то есть бумажник, обычно хранится.

Обнаружив сходство с убитым, Клифт мгновенно сообразил, что судьба, едва не отправив его за решётку, вдруг смилостивилась, и преподнесла ему шикарный подарок.

Про то, что гражданина Жабина грохнули в купе скорого поезда, никто, кроме киллера и его возможных заказчиков не знает пока. И когда на крупной узловой станции менты обнаружат некое тело с двумя пулями в сердце и справкой об освобождении из мест лишения свободы на имя Пузанёва Валерия Павловича, вора-рецидивиста, то мудрить шибко не будут, и спишут всё на криминальные разборки. Особых примет у Клифта нет – от татуировок, всех этих крестов да

куполов, умные люди уберегли, ещё по малолетке отсоветовали – зачем, дескать, клеймо судимого на всю жизнь, да ещё на видном месте? От шрамов Бог миловал. Никто карманника не пожалеет, по нему не заплачет. Родных не осталось. Так что опера, специализирующиеся на борьбе с карманными кражами, не без облегчения спишут одного из своих постоянных клиентов, удалят жулика по кличке Клифт из всех картотек и баз данных.

Рассудив так, Клифт стянул с не окоченевшего пока жмурика дорогой костюм, ботинки, оставив простреленную и окровавленную рубашку, и облачил в собственные шмотки – водолазку, ширпотребовский пиджачок, поношенные изрядно кроссовки. Затем обследовал подробно портфель. Вытащил из него кожаную папку с документами в пластиковых файлах, кучу глянцевых проспектов – мутотень, сплошные буровые вышки, трактора, железяки какие-то, и – о-о-о! – пачку пятитысячных купюр. Там же обнаружил смену белья, что-то по мелочи, вроде косметички, одеколona, набора авторучек. Портфель окажется кстати – негоже такому солидному пассажиру, в которого превратился отныне Клифт, без багажа, с пустыми руками ездить.

Дождавшись, когда с наступлением сумерек поезд остановился в Самаре, на крупной узловой станции с извечной беготнёй, суетой и неразберихой на перроне, подхватил труп и поволок – сперва в соседний вагон. Проводница, занятая посадкой, едва глянула на пьяных пассажиров, сходящих

с поезда. Мало ли их, поддавших крепко по причине дорожной скуки, по составу шатается – в вагон-ресторан и обратно?

Так что здесь Клифт чисто сработал.

И вот теперь он лежит на мягком диване в персональном купе, покачивается умиротворённо в такт движения поезда, и едет, едет... Чёрт, а куда он, собственно, едет? До конечной станции, до Южноуральска? Ни разу там не был. Почему бы и не осмотреть городишко?

Воры-карманники, как правило, не плохие актёры. Только роль им приходится играть чаще всего одну и ту же. Неуклюжего прохожего, то и дело в толпе на людей натыкающегося, или неловкого пассажира общественного транспорта, который, вместо того, что бы за поручень крепко держаться, болтается в салоне, как сосиска в кипящей кастрюле. То на одного пассажира навалится, то к другому прижмётся. Ну и, опять же, манеры должны быть обходительными. Дескать, хоть и недотёпа, а человек интеллигентный. Что бы каждый, глядя на него, думал: небось, и в метро о высших материях размышляет. Может, даже открытие мирового уровня готовит, от того и рассеянный. Но вежливый. Простите да ради Бога, извините! И никакой, естественно, фени, распальцовки бластной...

Так что для Клифта богатенького коммерсанта изобразить, или нефтяного магната какого-нибудь задрипанного – раз плюнуть. Тем более что денег у него, благодаря покойно-

му попутчику сейчас – как у дурака махорки. Доедет до Южноуральска, заодно и отдохнёт, отоспится в дороге. Всё-таки ремесло карманника нервное, сплошные стрессы, когда на дело идёшь. А там – в аэропорт, с такой-то железной ксировой, и куда-нибудь подальше – в Новосибирск, Иркутск... Страна большая, и везде для Клифта с его золотыми руками работа найдётся.

5

Однако в Южноуральске, куда поезд подкатил в девять утра, Клифта ждал неприятный сюрприз. Его встречали.

Едва карманник сошёл с подножки, повесив по причине летней жары на одну руку пиджак, а в другой сжимая пузатый портфель, проводница указала на него пальцем кому-то:

– Вот он, товарищ из шестого купе!

У Клифта чуть ноги не подкосились. Приехал, фрайер самонадеянный. Менты уже ждут, на стрёме стоят. Сейчас подхватят, в наручники закоцают, и – наше вам с кисточкой!

Но навстречу ему бросились из толпы вовсе не менты, а два толстых, лысых гражданина, взопревших, судя по потным физиономиям, в своих чёрных погребальных костюмах:

– Юрий Степанович! Уважаемый! Мы рады приветствовать вас на гостеприимной южноуральской земле!

Клифт шаррахнулся было в сторону, но вовремя спохватился, растянул губы в улыбке, промямлив невнятно:

– Э-э... я тоже... К сожалению, не имею чести...

– Я ваш заместитель по общим вопросам, Борщёв Николай Сергеевич, – представился один из толстяков, угодливо подхватывая из рук Клифта портфель. – А это – указал он на своего напарника, – заместитель генерального директора по связям с общественностью. Лисицын Алексей Николаевич. Прошу, как говорится, любить и жаловать. Вещички

прикажете из купе принести?

– Я, знаете ли, люблю налегке путешествовать, – нашёлся Клифт. – В наше время шмотьё за собой таскать ни к чему. Всё, что нужно, можно купить. Были бы деньги...

– Хи-хи... – подтвердил новоявленный зам, и предложил, – пройдёмте на привокзальную площадь. Нас там автомобиль ждёт.

Напряжённо соображая, как бы вырваться из навязчиво-цепких объятий встречающих, и слинять только в одном ему ведомом направлении, Клифт шагал обречённо, как под конвоем.

На привокзальной площади троицу подждал чёрный и торжественно-мрачный, как катафалк, «Мерседес» последней модели.

– Сейчас, Юрий Степанович, прямо в гостиницу. Нашу, ведомственную. Отдохнёте, покушаете, а потом в офис. Мы вам, хе-хе, личный состав компании представим. Не весь, конечно, а управленческий аппарат, – гулил в ухо Клифту, усевшись рядом на заднее сиденье, зам по общим вопросам.

Машина тем временем катила по широкому проспекту, застроенному современными высотками. Клифт с любопытством крутил головой. Город как город. Ничего особенного. Разве что наряду с золотыми куполами церковей тянутся к небу то здесь, то там, увенчанные полумесяцем мечети, – чувствуется дыхание Азии.

«Из гостиницы свинчу, – решил про себя карманник. –

Отправлю этих толстомордых конвоиров с глаз долой, и дёру».

Он отчего-то представлял гостиницу, в которой его пообещали разместить, в виде многоэтажки с длинными коридорами, множеством номеров, из которой ускользнуть незаметно – раз плюнуть. Однако ошибся.

Мерседес всё мчал и мчал, вырвавшись из автомобильной толчеи на загородное шоссе. Потом свернул на узкую, но тоже хорошо заасфальтированную дорогу, и покатил прямо к стоящему плотной стеной лесу.

«Ч-чёрт, – забеспокоился Клифт. – Сейчас завезут в чашу, и кокнут, раз первый киллер не справился! Этому Жабину, судя по всему, серьёзные пацаны приговор подписали. А я, как лох последний, подставился»...

Но тут впереди показался красно-белый полосатый шлагбаум, и расторопный охранник в чёрной униформе, выскочив из будочки, предупредительно поднял его, видимо, узнав машину.

При ближайшем рассмотрении гостиница оказалась просторным, рубленным из толстенных брёвен, загородным домом с верандой и широким, покрытым коричневой ковровой дорожкой, крыльцом. Территория, обильно засаженная благоухающими розами, тенистыми голубыми елями, была окружена высоченным забором, на вершине которого вращались с лёгким жужжанием видеокамеры наружного наблюдения.

«Хрен отсюда уйдёшь незамеченным, – грустно констатировал Клифт. – Придётся другого случая дожидаться»...

– Вот сюда, наверх, по ступеничкам, – объяснял ему, как слабоумному, зам по общим вопросам.

Поднявшись на крыльцо, вошли в апартаменты. Просторный холл, застеленный толстым, словно газон, ковром, располагающие к безделью и неге диваны, низкие столики с витиеватыми ножками – не для еды или канцелярской работы, на такие разве что бутылки со спиртным да бокалы ставить... На каждом шагу, низко кланяясь, Клифта встречала обслуга – смазливые девицы в белоснежных передниках, юноши в лакейских ливреях и круглых, на манер тубетеек, шапочках.

Наконец, пришли в номер, занимающий целое крыло чуждо-дома. Разбитная бабёнка – похоже, местная домохозяйка, стареющая блондинка со следами былой красоты, продемонстрировала Клифту гостиную, в которой царил огромный, словно пещера Али-Бабы камин с вязанкой чистых, будто наждачной шкуркой отполированных, дров. Здесь же стоял телевизор с экраном величиною с автомобиль «Ока», столь же внушительных размеров музыкальный центр. Провела в спальную с широченной, скрытой за – подумать только, – балдахин, что ли, кроватью, в рабочий кабинет, ванную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.